

Однажды встретив — запечатлел в сердце, но всё равно не переставал гадать, есть ли на свете что-то более притягательное.

— А вы, Ваше Высочество, нашли в этом мире нечто поистине уникальное? — спросил Пей Чжо.

Цзян Нинье услышал это, проследил взглядом за Пей Чжо и обернулся:

— Этот мир до боли скучен, какая уж тут уникальность.

А вот сидевший перед ним человек был донельзя интересен.

Цзян Нинье краем глаза изучал выражение лица Пей Чжо и заметил, как отчётливо выделяются суставы на пальцах, сжимавших чашку, словно он из последних сил сдерживал какое-то чувство.

— А-Чжо, — мягко произвел он. — Тебе нездоровится?

Пей Чжо поднял взгляд и, встретившись с безграничной заботой на этом красивом лице, почувствовал, как что-то прочное внутри него на мгновение пошатнулось. Хотя он прекрасно понимал, что этот человек уже совсем не тот, что в былые годы, и всё здесь наполовину искренне, наполовину лживо — так вести себя не стоило, — он всё же силой подавил рвавшуюся наружу горечь.

— Пустяки.

Только он умолк, как пальцы, державшие чашку, внезапно ощутили тепло.

Это Цзян Нинье слегка накрыл его руку своей:

— Наступило весеннее равноденствие, почему ты до сих пор так зябнешь?

Окутав своей теплотой чужой холод, он велел слугам снять с жаровни неподалёку подогретое вино. Лишь после этого он отнял руку и поменял маленькую белоснежную чашечку на чайную пиалу в руке Пей Чжо.

Пей Чжо инстинктивно хотел отказаться, но, поддавшись, пожалуй, очарованию этих фениксовых глаз, в конце концов поднял руку — хотя бы для того, чтобы отведать этого вина.

Вино легло на тоскующую душу, и полчашки заполнил аромат османтуса.

Это вино он неожиданно узнал.

Оно называлось «Сорвать ветвь османтуса».

— Это вино откопали в моём поместье, — услышал он голос Цзян Нинъе. — Скажи, разве не забавно? Я уж и забыл, когда его спрятал.

Не успел он допить и первую чашку, как из рукава Пей Чжо что-то выкатилось. Он как раз собирался наклониться, но Цзян Нинъе поднял предмет быстрее.

Это была старая кисть.

— Таньтай Цинъянь... — тихо вздохнул Цзян Нинъе. Повернувшись вполборота, он заметил, что Пей Чжо растерянно уставился на кисть в его руке, а кончики его ушей порозовели — судя по всему, он уже изрядно опьянел.

Это опьянение легко смыло с него налет ледяного холода, странным образом смягчив черты.

— Верни мне, — жестко бросил Пей Чжо.

Он сидел на месте, не вставая, и лишь не отрываясь смотрел на кисть, словно на какое-то сокровище.

— Верни, — отстраненным тоном повторил он.

Цзян Нинъе на мгновение засомневался и произнес:

— Ты пьян.

Пей Чжо пропустил это мимо ушей и тихо проговорил:

— Ты сильно изменился. Раньше ты...

Он внезапно замолк.

Голос Цзян Нинъе, подобно вину «Сорвать ветвь османтуса», вкрадчиво прошептал:

— Каким же я был раньше?

В глазах Пей Чжо мелькнула борьба, на миг прояснив рассудок:

— Ваше Высочество задает слишком много вопросов.

В тот же миг взгляд Цзян Нинъе потемнел. Да пьян ли он в конце концов?..

Пока он предавался сомнениям, Пей Чжо налил себе вторую чашку и осушил её до дна.

Сжимая в руке кисть Таньтай Цинъянь со стертым черенком, Цзян Нинъе пристально смотрел на Пей Чжо. Внезапно все тайные расчеты на дне его души в этот миг потускнели и растворились, прячась всё глубже и глубже.

Среди бела дня им негде было укрыться.

Он уже очень давно не испытывал столь смешанного чувства — отвращения и любопытства одновременно.

Рукав Пей Чжо соскользнул на дюйм, обнажив полоску запястья, которая казалась прозрачной в лучах яркого весеннего солнца. К запястью была привязана красная нить с единственной одинокой бусиной.

Цзян Нинъе замер на месте. Нахлынуло смутно знакомое ощущение, однако, как и всякий раз до этого, ухватиться за эту тончайшую нить он не смог, не говоря уже о том, чтобы докопаться до истоков.

Каждый уголок его души зиял пустотой. Случайно сорвавшийся в эту пустоту звук едва оставлял после себя пыльные круги на воде. Дуновение ветра — и всё рассеивалось без следа.

С реки Цзяньхэ донеслись радостные возгласы: молодой господин с мечом в руках сиял от гордости и самодовольно оглядывался по сторонам. А-Чжань проиграл, но, раз уж уступил в мастерстве, злиться не полагалось — оставалось лишь надуть щеки, пока кто-то унизительно трепал его по волосам.

Пей Чжо увидел эту сцену, и на его губах внезапно мелькнула улыбка. Свежий ветерок тянул из окна, а его изящные брови и глаза разглаживались, точно тающий снег. Вот только сознание постепенно погружалось в туман, и бесчисленные картины сливались воедино.

— Кто это шептал: «Век не знал тоски по милой — стоило узнать, как сгинул»?

А кто возражал: «Что за слащавые банальности»?

Кто смеялся, кто танцевал с мечом при луне, откуда доносился звонкий голос, читающий книги, и где спешили отплыть лодки-ланцзэ?

В туманной пелене что-то упало на землю и со звоном разбилось.

Кто-то звал его по имени:

— А-Чжо? Что с тобой?

Погодите-ка, в затуманенном сознании до него дошло, что тот человек звал его —

— ...Ланьзэ?

Дальше вас ждет предупреждение об ультрадолгих воспоминаниях!

Давняя бездна (1)

— ...Ланьзэ?

Мягкий солнечный свет пробивался сквозь крытую галерею, перешагивал через легкие шелковые занавеси и добирался до самой дальней багрово-коричневой крышки стола в учебном зале. Весенний ветерок небрежно перелистывал страницы книг, и, подхватив ароматы чернил, забирался прямо на черные, как птичьи перья, ресницы юноши.

В паре узких фениксовых глаз плескалась чистая, прозрачная вода; легкий ветерок касался их, вздымая рябью и растекаясь по лицу с от рождения страстным выражением.

Вот только в этих глазах отражалась вовсе не красавица из уединенной долины, а тонкая ивовая ветвь. Ветвь была скручена в несколько колец, превратившись в грубое подобие плетенки.

Подперев голову рукой, юноша бормотал, повторяя это имя, а другой рукой крутил и мял ивовое кольцо, пока в уши ему вплетался чей-то мелкий, звенящий смех.

— Разве Ланьзэ — это не девичье имя?

— Именно! Сроду не слыхал, чтобы так кого-то звали!

— Ха-ха-ха, на смех курам!

— По мне, так лучше б звали Фужун.

.....

Тот, над чьим именем потешались, как раз шел по галерее в сопровождении учителя и ступил в класс. Пара черных как смоль глаз холодно скользила по присутствующим, и шум вмиг утих.

Цзян Нинье поднял голову, встретился с вошедшим взглядом и невольно протянул:

— Ого.

Новичку было на вид лет четырнадцать-пятнадцать, под стать самому Цзян Нинье; на нем была безупречно белая одежда, брови казались выписанными тушью, а лицо — изъеденным из яшмы. Вот только вид у него был ледяной, совсем не похожий на живой и непоседливый нрав обычных подростков.

Чжан Жохань встал посреди класса и представил новичка сидевшим внизу ученикам:

— Это ваш новый соученик, Пей Ланьзэ.

Те, кто только что собирался посмеяться, украдкой прикрыли рты ладонями и стали переглядываться.

— Меня зовут Пей Чжо, — не обращая ни на что внимания, сухо произнес юноша.

Услышав это, Чжан Жохань не стал настаивать и окинул класс взглядом:

— Что ж, Пей Чжо, садись вон за тот стол.

Цзян Нинье в упор разглядывал лицо юноши, наблюдая, как тот приближается и в конце концов опускается за пустой стол рядом с ним.

Пей Чжо сидел прямо и ровно, устремив взгляд на объяснявшего материал Чжан Жоханя, и был предельно сосредоточен. Его движения при раскатке бумаги и смачивании кисти в туши были четкими и уверенными, а манера держать кисть — безупречно правильной и педантичной.

Словно заметив чей-то взгляд сбоку, он повернул голову и столкнулся с глазами Цзян Нинье.

Тот немедленно сощурил глаза, озарив лицо чистой и наивной улыбкой. Однако Пей Чжо лишь слегка нахмурил брови, на секунду задержал на нем взгляд и тут же безжалостно отвернулся,

вновь погрузившись в письмо.

Цзян Нинье от нечего делать крутил в руке кисть, карая и марая разглаженную бумагу так, что на это зрелище больно было смотреть.

Когда бумагу собрали, Чжан Жохань принялся просматривать её лист за листом, и чем дальше, тем мрачнее становилось его выражение лица. Ученики внизу сидели кто во что горазд, перемигиваясь и беззвучно подшучивая друг над другом.

Ивовая ветвь за окном покачивалась от ветра, и Цзян Нинье протянул руку, сорвал её и в пару мгновений скрутил в виде цветка.

— Эй, Ланьзэ, — тихо позвал он.

Никто не откликнулся.

— Ланьзэ, Пей Ланьзэ!

После нескольких попыток Пей Чжо наконец повернул голову и с холодным лицом процедил:

— Пей Чжо.

Цзян Нинье вцепился в его рукав и упрямо повторил:

— Ланьзэ.

Нахмурившись, Пей Чжо с силой выдернул свой рукав и демонстративно смотрел в другую сторону, не желая идти на уступки.

Цзян Нинье скривил зубы — к счастью, совести у него было не занимать.

— Послушай, Ланьзэ, послушай-ка меня, — внезапно подавшись вперед, он воспользовался моментом и взмахнул рукой над волосами Пей Чжо.

— Что ты делаешь? — поморщившись, отшатнулся тот.

Цзян Нинье изо всех сил сдерживался, но улыбку удержать не смог.

Пей Чжо не понимал причины веселья, пока сзади тоже не слышались смешки.

— Это что еще такое?

— Барышня Фужун, ха-ха-ха-ха...

Он протянул руку к волосам сбоку, нащупал там какой-то предмет и снял его: на ладони красовался цветок, сплетенный из ивовых прутьев, причем свежие зеленые листья так и торчали в стороны.

Лицо Пей Чжо мгновенно почернело, и он в упор уставился на Цзян Нинъе.

А тот ничуть не смутился и выглядел донельзя невинно:

— Подарок в честь знакомства. Надеюсь, впредь ты будешь опекать меня.

В этот момент с возвышения раздался громкий хлопок: Чжан Жохань швырнул стопку бумаг на стол.

— Что вы тут вообще написали? — он был вне себя от ярости. — Два месяца прошло с начала учебы, а успехов ноль!

Он поднял другой лист со стола; почерк на нем был изящным и чистым, резко отличающимся от остальных.

Чжан Жохань вздохнул:

— Из шестнадцати учеников лишь у одного Пей Чжо почерк годен для глаз. Видимо, это я, учитель, учу вас из рук вон плохо.

— Учитель Чжан, не корите себя, — звонким голосом отозвался ученик с последнего ряда. — Зимние каникулы длились почти целый месяц. Все только встретили Новый год, а теперь вот пришла весна — как потеплеет, так и дело пойдет.

— Именно-именно, сейчас так холодно, что кисть в пальцах не удержать, — поддакнули с передних рядов.

Уголки глаз Чжан Жоханя взлетели вверх, а лицо застыло так, что с него можно было соскребать лед:

— Видимо, я недооценил всех вас. Похоже, в последнее время вы не слишком выкладывались на учебе. Что ж, заданное за эти два дня «Официальное летоисчисление Восточной Земли» переписать десять раз, сдать через два дня.

По рядам тут же прокатилась волна стонов и жалоб:

— Да такую толстую книгу разве перепишешь?!

— К тому же сегодняшние прописи я сохранию для сверки почерка. Если кто-то попросит кого-то написать за себя или вовсе не сдаст работу, пусть ждет, пока жалобу отправят его родителям, — холодно произнес Чжан Жохань и добавил: — Пей Чжо переписывает всего один раз.

— С какой стати он переписывает только раз?! Даже Его Высочество должен переписать десять, — возмутился кто-то.

Цзян Нинье, крутивший в пальцах кисть, замер. Его Высочество?

В классе было всего шестнадцать человек, и, судя по всему, «Его Высочество» здесь присутствовал лишь один. С чего бы вдруг? Он бросил на парня скользящий взгляд. Тот сам ни капли не возмущался, так с какой радости вечно находились желающие заступиться за него?

Взгляд Чжан Жоханя стал суровым:

— Я уже говорил: переступая порог моего класса, вы забываете о разнице между государем и подданными. Все сидящие здесь — мои ученики, и обращаться друг к другу подобает лишь по имени. Игры в придворные клики и подковерную борьбу оставьте для другого места.

С этими словами он на мгновение задержал взгляд на лице Цзян Нинье.

Цзян Нинье опешил. Что это значит? Опять он во всем виноват? Тем не менее, не выказав и вида, он упрямо уставился в ответ.

— На сегодня всё. Желающие остаться и переписывать здесь могут обращаться ко мне с любыми вопросами.

Сказав это, Чжан Жохань заложил руки за спину и удалился.

Стоило его шагам затихнуть, как в классе поднялся невероятный галдеж.

— И чем же учитель Чжан так гордится? Чуть что — сразу грозитя доложить моим родителям!

— А ты не знал? Учитель Чжан — новый сородич на высшей степени столичных экзаменов, молод, а в словесности нет равных.

— И зачем его приставили учить нас, бездельников? Почему он не пойдет соревноваться с тем главным сметчиком Чжуном? Тот ведь тоже едва достиг семнадцати!

— Эх, ничего-то ты не понимаешь! Служба в Гоцзыцзяне — это, во-первых, возможность завести знакомства с нами, будущими столпами Государства Тан, а во-вторых, звание наставника академии звучит солидно. Разве это не двойная выгода — и слава, и польза?

Пока там шумели, Цзян Нинье чувствовал себя донельзя скучающе. Чжан Жохань был прав: за два месяца с момента открытия этой проклятой академии Гоцзыцзян превратился лишь в сборище знатных отпрысков, сбивавшихся в стайки ради детских игр. Целыми днями они только и болтали о том, у кого из родителей повысили чин или какие диковинки появились в Городе Цзи.

Тоска смертная!

Он то и дело перелистывал книгу, но ни единого слова не задерживалось в голове.

Зато сосед по парте переписывал текст с полнейшей сосредоточенностью.

На фоне общего шума и гама он казался невероятно тихим и спокойным, словно мир вокруг не существовал для него.

Цзян Нинье бросил на него взгляд: почерк действительно был на редкость красивым, и оставалось только гадать, чьему стилю тот подражал. Да ну их, ему сейчас совсем не улыбалось переписывать книги. Чжан Жохань всё равно не посмел бы отправить жалобу в его поместье —

Что еще чего доброго, отправить докладную на имя старшего брата? Слишком много чести!

Как раз когда у Цзян Нинье начали слипаться глаза и он уже был готов отправиться в объятия Морфея, шум вокруг резко усилился. Раздался звук рвущейся бумаги — громкий «вжих», грубо прервавший его сладкие дневные грезы.

Скривившись от досады, он приоткрыл глаза и увидел кружащиеся в воздухе обрывки бумаги.

Его новый соученик стоял спиной к нему, сжав кулаки в рукавах и дрожа от гнева. Напротив него возвышалась компания рослых парней.

Один из бумажных обрывков опустился прямо перед лицом Цзян Нинье, чернила на нем еще не высохли.

Среди окруживших Пей Чжо заводилой выступал тот самый парень, который ранее дерзил

Чжан Жоханю. Цзян Нинъе смутно припомнил его: отец его служил генералом на западных рубежах, фамилия вроде бы Ду, а как звали?..

Тот парень был на пару лет старше их и отличался довольно крепким телосложением. Скрестив руки на груди, он свысока уставился на Пей Чжо:

— Ты какого черта творишь? Из-за тебя теперь всем переписывать!

Двое прихвостней за его спиной тут же подали голос. Один спросил:

— Ты из какого рода?

Пей Чжо молчал.

Прихвостень призадумался:

— Фамилия Пей... Неужто генерал Фэйяо... Нет, погоди-ка, у генерала Фэйяо отродясь не было ни жены, ни детей, мой отец даже подумывал сосватать ему кого-нибудь.

Главарь презрительно фыркнул:

— Мало ли в Поднебесной людей с фамилией Пей! С тем же успехом можно заявить, что все спасенные генералом Фэйяо в былые годы люди тоже взяли его фамилию.

Второй сделал шаг вперед и злобно рявкнул:

— Тебя спрашивают! Это же молодой господин из дома генерала Хэи. Ныне в Государстве Тан нет никого храбрее генерала Ду, слышал о таком?

Тут Цзян Нинъе наконец вспомнил: заводилу звали Ду Шунь. А те двое по бокам... как он ни старался вспомнить, в памяти они не задерживались.

Пей Чжо по-прежнему молчал, сверля их свирепым взглядом.

— Тебя спрашивают, из какого ты дома?

Не дождавшись ответа, тот прихвостень подскочил и со злости толкнул Пей Чжо в грудь:

— У тебя что, вся родня передохла?

Не успел затихнуть его голос, как раздался звонкий шлепок — и все вокруг замерли.

Никто не понял, в какой момент Пей Чжо успел ударить: парень с размаху рухнул на пол.

Остальные тут же с криками бросились на Пей Чжо. Кто бы мог подумать, что этот на вид изнеженный парень неплохо владеет боевыми искусствами! Он с легкостью отбивался от толпы нападавших и сдаваться на милость врагов вовсе не собирался.

Он стоял вполоборота, растрепанные пряди закрывали пол-лица. Цзян Нинъе скосил глаза и заметил, что у того покраснели глаза, и мысленно выругался: дело пахло керосином.

Тут взгляд Пей Чжо слегка поднялся, и он заметил, как этот самый Ду Шунь сграбатал со стола тяжелую чернильницу и, занеся её обеими руками, уже собирался обрушить на Пей Чжо. Сам Пей Чжо стоял к нему боком и угрозы, естественно, не видел.

В долю секунды, не успев даже толком подумать, Цзян Нинъе бросился вперед, намереваясь оттолкнуть Пей Чжо, но не рассчитал: под ногой путался упавший стул, и в итоге он просто рухнул сверху, заслонив Пей Чжо своим телом.

— Бах! —

Раздался глухой удар, и по спине волной прокатилась острая боль.

Все звуки вокруг мгновенно смолкли.

Следом из толпы выскочили несколько учеников, обычно увивавшихся за Цзян Нинъе:

— Вы что творите?! Да вы рехнулись, на самого князя Цзин руку поднимать?!

Ду Шунь тоже перепугался до смерти:

— Я... я не... то есть...

— Чего не?! Генеральский дом руки распустил? Вам уже и император не указ! Бунт удумали?!

В поднявшемся галдеже кто-то кого-то снова толкнул, и площадка вновь погрузилась в хаос.

У Цзян Нинъе раскалывалась голова, а кости на спине ныли так, что искры из глаз сыпались — угораздило же вляпаться в такую историю!

Под ним по-прежнему лежали двое, и зажатому посредине Пей Чжо пришлось несладко. Вынужденно запрокинув голову, Пей Чжо увидел темные, сияющие глаза юноши, в которых отражалось целое море звезд — они казались ярче самого дневного света.

Цзян Нинъе опустил взгляд и только теперь заметил, что лицо Пей Чжо странно исказилось. Помедлив мгновение, тот нерешительно произнес:

— Ты... не плачь.

Цзян Нинъе только хотел было возмутиться, с чего это ему плакать, как вдруг почувствовал, что на подбородок ему капнуло несколько капель влаги, скатившихся по вороту. Он провел рукой по лицу и недоверянно уставился на влажные пальцы. Это еще что за фокусы?

Неужели в тех дурацких книжонках не время, и от боли действительно режут?!

Цзян Нинъе открыл рот, собираясь сказать, чтобы тот перестанавливал на него пялиться, но в голове неожиданно зашумело, руки отказались служить, и он без сил ткнулся лицом вниз.

Перед тем как веки сомкнулись окончательно, в его голове промелькнула последняя мысль:

Что за чудо-благовония у этого парня на одежде? Чистые, леденящие и до жути приятные.

Сяо Цзян действовал быстрее, чем думал.

Давняя бездна (2)

— Ай, ай, ай, больно, больно, больно... —

Цзян Нинъе лежал на животе с обнаженным торсом, уткнувшись подбородком в скрещенные руки. Управляющий поместьем стоял рядом и обмахивал его веером.

— Ваше Высочество, потерпите чуть-чуть, скоро перестанет болеть.

Но лекарская рука от этого мягче не становилась.

— Не махай, — буркнул Цзян Нинъе. — Холодно.

Управляющий был непреклонен:

— Жар изгоняем.

Цзян Нинье: «...»

— И как преподнесли это дело моему старшему брату?

— Из Внутреннего ведомства передали весть, что учитель Чжан лично явился к Императору с повинной. Чиновники Юй и Чан тоже там были. В доме генерала Фэйяо в столице находилась только госпожа-мать, так она отходила молодого господина Ду палками, да еще собиралась приволоочь сюда для наказания.

Цзян Нинье лениво прикрыл глаза:

— Еще чего не хватало, кому охота на них смотреть. Разве не было сказано, что это мелкая мальчишеская возня между соучениками и чистая случайность? К чему раздувать такую бучу?

— Учитель Чжан передал всё слово в слово по чьей-то указке. Оттого Государь и велел им просидеть месяц под домашним арестом и переписывать книги. Ваше Высочество слишком мягкосердечны, а узнай Его Высочество всю правду... — Управляющий бросил косой взгляд на раненую спину Цзян Нинье, явно считая такое наказание слишком мягким.

Зная, что тот кипит от гнева, Цзян Нинье попытался его успокоить:

— Пусть лучше поумнеют, чтобы впредь неповадно было бесчинствовать. Накажи их строже — пойдут разговоры, будто я пользуюсь своим положением для притеснения сослуживцев, а это поставит брата в неловкое положение.

Управляющий вздохнул:

— Хотелось бы надеяться, что Государь оценит заботу Вашего Высочества.

Едва лекарство было нанесено, слуга Доуцзы тихонько постучал в дверь:

— Ваше Высочество, к вам просится младший господин из поместья генерала Фэйяо.

— Кто? — опешил Цзян Нинье.

Доуцзы повторил снова.

— Кто-кто?

Доуцзы повторил в третий раз, добавив в оправдание:

— Я велел ему назвать свой род, так он прямо заявил — мол, из поместья генерала Фэйяо. Судя по его манерам и одежде, это наверняка тот самый легендарный приемный сын генерала Фэйяо.

— ...Какой еще приемный сын? — Пей-то вроде обучал его владению мечом, но чтобы...

— Ой, ну тот самый! Родной сын маршала Нинъаня Ци Хэна, что прославился на юге. В годы мятежа в трех округах жители города Нинъань скитались без крова, кругом свирепствовали грабители и мародеры, земля была усеяна трупами от голода, люди доходили до того, что менялись детьми ради пищи. Говорили, к тому моменту маршал Нинъань уже пал в бою, а его супруга погибла во время беспорядков. К счастью, мимо проходил генерал Фэйяо Пей Юйшу — он-то и спас единственного наследника маршала, привез в Город Ци, усыновил и растит по сей день, — Доуцзы жестикулировал с таким жаром, что едва сам не прослезился.

Цзян Нинъе скосил глаза на управляющего:

— Разве я когда-нибудь видел этого человека?

<http://bllate.org/book/21168/2144696>